

— Я сам не знаю, что со мной происходит... Я первым заметил твой потенциал, и за этот месяц я видел, как ты постепенно меняешься и растёшь. Ты не представляешь, насколько ты ослепителен, когда поёшь. Ты так сияешь, что мне хочется дать тебе лучшие возможности, построить для тебя непревзойдённую сцену, чтобы ты мог петь вечно.... Но тогда ты уже не будешь только моим. Весь мир увидит твой талант, тысячи людей будут сходить с ума по тебе, кричать, а не так, как сейчас, когда только я могу наслаждаться тобой.

Хэ Цзинлинь сказал это с лёгкой усмешкой.

— В последнее время, каждый раз, когда я думаю об этом, я становлюсь ненормальным, как будто внутри меня горит огонь, который не может ни подняться, ни опуститься...

Цзян Фэн никак не ожидал, что Хэ Цзинлинь думает о таких вещах. Такое искреннее признание заставило его злость уйти в никуда. Он задумчиво смотрел на опущенное лицо Хэ Цзинлиня, а затем тихо спросил:

— Хэ-цзун, вы это серьёзно?

Его тон был шутливым, но Хэ Цзинлинь поднял глаза и посмотрел на него с искренностью, которая заставила Цзян Фэна нервничать.

— А если да?

После небольшой паузы мужчина спросил это низким голосом.

— А если да?

Цзян Фэн вдруг почувствовал себя растерянным.

Он, конечно, знал, что игры богачей с маленькими звёздами никогда не бывают серьёзными. Его представление об их отношениях основывалось именно на этом. Будучи человеком с лёгким характером, он не придавал большого значения верности. Каждый хочет, чтобы рядом был кто-то, пусть даже временно, пусть даже это будет игра.

Он сразу же сказал Хэ Цзинлиню, что не принимает деньги и другие подарки, именно из-за этого. Чтобы, когда придёт время расстаться, всё было чисто, без долгов.

Теперь же его покровитель говорит, что он серьёзен.

Цзян Фэн и Хэ Цзинлинь смотрели друг на друга несколько мгновений, взгляд мужчины был ясным и честным. Наконец, Цзян Фэн раздражённо провёл рукой по мокрым волосам, встал и направился к машине Хэ Цзинлиня — Saenne. Из-за того, что ноги не сгибались, он споткнулся несколько раз, и Хэ Цзинлинь сзади подхватил его на руки.

В машине Цзян Фэн без церемоний откинул спинку сиденья и приготовился спать. Хэ Цзинлинь вытер ему волосы полотенцем, передел в чистую одежду и включил обогрев на полную мощность. Цзян Фэн пассивно принимал его заботу, не сопротивляясь, но и не помогая.

Когда машина тронулась, Цзян Фэн повернулся спиной к Хэ Цзинлиню и тихо сказал:

— Просто отвези меня домой. Думаю, нам лучше пока не видеться.

Утром, когда Цзян Фэн вернулся домой, уже светало. Хэ Цзинлинь хотел осмотреть его раны и нанести лекарство, но Цзян Фэн без колебаний выставил его за дверь.

В результате, промокнув под дождём и простудившись, Цзян Фэн не обработал раны должным образом, и они воспалились. Проснувшись, он обнаружил, что у него температура 38,5, что сильно напугало Ван Янь, которая пришла на работу по расписанию.

Цзян Фэн был настолько слаб, что не мог встать с постели, и пришлось вызывать врача на дом, чтобы поставить капельницу. Три дня он получал антибиотики, прежде чем температура спала. Хэ Цзинлинь чувствовал себя крайне виноватым и почти каждую ночь приходил, но, так как Цзян Фэн сказал, что не хочет его видеть, он оставался в гостиной.

Большую часть времени больной с высокой температурой находился в полусне, редко приходя в сознание. Когда температура спала, Хэ Цзинлинь, боясь, что Цзян Фэн его заметит, перестал приходить домой, но каждый день звонил Ван Янь, чтобы узнать о его состоянии.

Так Цзян Фэн пролежал целую неделю. На седьмое утро Ван Янь измерила температуру, вытерла пот и впервые за несколько дней слегка улыбнулась.

Наконец получив разрешение встать, Цзян Фэн потянулся и с улыбкой сказал:

— Простуда и температура — это мелочи, Янь-цзе, не переживай так.

— Ты чуть не сгорел, а ты ещё шутишь. Иди помойся и прими лекарство!

В самые тяжёлые дни Ван Янь почти не отходила от Цзян Фэна, даже спала в его гостиной, заботясь о нём с невероятной преданностью. Теперь, когда он почти поправился, она снова стала своей обычной решительной и прямолинейной, бросив эту фразу и уйдя.

Цзян Фэн чувствовал сладкую теплоту в сердце, думая о том, что кто-то готов так заботиться о нём. Он уже собирался принять душ, как зазвонил телефон.

— Алло, Юэ-гэ, ты уже нашёл информацию о том человеке, о котором я просил?

В Имперской столице зима длинная, а весна короткая, но в конце апреля в шерстяной шапке и шарфе ходил, пожалуй, только Цзян Фэн. Поэтому, когда он встретил Ли Чэньюэ в маленькой комнате ресторана «Асано», тот, всегда прямолинейный и быстрый на язык, не упустил возможности подколоть его.

— Братан, ты ещё не стал звездой, а уже учишься, как скрываться от папарацци, молодец, молодец, — Ли Чэньюэ сдержанно усмехнулся.

— Это всё твой Хэ-наньшэнь, после того, как у него случилось желудочное кровотечение, он прислал ко мне частную медсестру. Медсестра хорошая, но слишком уж старательная. У меня уже прошла простуда, а она полдня уговаривала меня не есть ничего жирного и острого, прежде чем разрешила пойти с тобой пообедать. Если бы её не было, мы могли бы встретиться у меня дома.

Цзян Фэн с досадой снял шапку и шарф, усевшись на татами.

— Она не посторонняя, но я не хочу, чтобы Хэ Цзинлинь знал о том, что я просил тебя помочь.

— М-м...

Ли Чэньюэ достал папку с документами и, отсортировав их по меткам, положил перед Цзян Фэном, издавая неопределённый звук. Спустя какое-то время он произнёс:

— Ты и Хэ-да-шао стали так близки без моего ведома...

— Кхм...

Цзян Фэн, пивший чай, чуть не поперхнулся, махая руками:

— Юэ-гэ, ты что-то придумал, о чём ты говоришь?

Увидев, что Ли Чэньюэ ухмыляется, он понял, что тот ему не верит.

Слова Хэ Цзинлиня всё ещё звучали в его ушах, и каждый раз, вспоминая его искренний взгляд, Цзян Фэн чувствовал, как сердце слегка сжимается, и становился немного скованным.

— А если да?

... Этот вопрос действительно нелегко было ответить...

Цзян Фэн вздохнул и начал просматривать документы, которые дал ему Ли Чэньюэ. В основном это были фотографии, а также множество новостей из газет, журналов и интернета. И всё это было о той женщине, которую он видел всего дважды — У Синь.

— Частные детективы — это удобно, за деньги они могут найти что угодно, и цена, кстати, не такая уж высокая, — Ли Чэньюэ достал сигарету, собираясь закурить, но вспомнил, что в этом ресторане курить нельзя, и с досадой убрал её. — Всё, что удалось найти, здесь. Её происхождение в шоу-бизнесе довольно чистое, но за два года она успела обзавестись кучей слухов, почти как ты в своё время.

— Да, тогда мне очень помог Юэ-гэ, я доставлял тебе много хлопот, — Цзян Фэн улыбнулся в ответ.

На самом деле, его внимание было полностью сосредоточено на документах, он просто машинально ответил, но эти слова заставили Ли Чэньюэ смутиться, и он быстро выпил две рюмки саке.

Действительно, как и сказал Ли Чэньюэ, происхождение У Синь было довольно обычным, даже можно сказать бедным. Она дебютировала два года назад в историческом дораме, после чего снялась ещё в двух сериалах, и как для новичка её репутация была хорошей. У Синь ещё до дебюта привязалась к богачу, и её первый сериал был снят на его деньги, но после успеха она бросила его и теперь была одной из многих любовниц Хэ Шэньюя.

«Видимо, она не только умеет соблазнять мужчин, но и хорошо поёт, раз её заметил такой требовательный продюсер, как Хэ Шэньюй», — с горькой усмешкой подумал Цзян Фэн.

Он просмотрел все документы и почувствовал разочарование. По крайней мере, из этих материалов нельзя было понять, что это за женщина и откуда она знает о Водном Драконе.

Как раз в этот момент официант принёс еду, и Цзян Фэн начал собирать разложенные на столе документы, но одна фотография особенно привлекла его внимание.